

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕИНТЕГРАЦИИ ТЕРРИТОРИЙ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Владимир НЕЧАЕВ
Севастопольский государственный университет

Егор МАТЮНКОВ
МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация: Изучение реинтеграции территорий становится все более актуальным в связи с меняющейся геополитической повесткой и задачами, встающими перед российским государством. В статье приводится обзор отечественных и зарубежных исследований, посвященных вопросам интеграции и реинтеграции. Представленные работы разделены на две группы, в зависимости от уровня изучения – системного и личностного. На основе данного обзора предложена двухуровневая модель анализа реинтеграционных процессов в трех сферах – экономической, политической и культурной. С использованием данной модели в статье рассматриваются два случая в Новейшей Истории – вхождение Восточной Германии в состав ФРГ и продолжающаяся интеграция Гонконга в КНР. Выявленные различия в характере протекания реинтеграционных процессов подтвердили значимость выбора той или иной стратегии в каждом из элементов общественной системы, а также позволили сделать предположение о необходимости наличия как минимум одного элемента-катализатора для начала воссоединения. Экономический фактор в обоих случаях выступал в качестве локомотива реинтеграции, в то время как культурный производил необходимый консолидирующий эффект. Наряду с этим в статье делаются предположения относительно перспектив дальнейших исследований и теоретической разработки проблемы.

Ключевые слова: реинтеграция, интеграция, территории, сравнительный анализ, ГДР, Гонконг, вхождение, воссоединение

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук, профессор, ректор Севастопольского государственного университета.
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Егор Станиславович Матюнков – аспирант Факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
E-mail: matyunkov98@mail.ru
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

Поступила в редакцию: 14.10.2023

Принята к публикации: 18.01.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (код (шифр) научной темы, присвоенной учредителем (организацией) проект FeFM–2023–0011).

Введение

Политические процессы, приводящие к вхождению в состав государства территории, ранее по разным причинам вышедшей из него, становятся все более распространенным явлением. Воссоединение Крыма и Севастополя с Россией в 2014 г., а также расширение списка субъектов Российской Федерации в 2022 г. в результате включения в него новых регионов делают особенно актуальным изучение отечественной наукой феномена реинтеграции.

Под реинтеграцией в данном случае понимается повторная интеграция в состав какого-либо государства некоторой территории, ранее – добровольно или принудительно – вышедшей из него (или его исторического предшественника). Реинтеграция представляет собой, таким образом, частный случай интеграции государственных образований. Особенностью реинтеграционного процесса является влияние на него фактора исторической памяти о былом единстве и интерпретированного через его призму опыта нахождения вне государства, к которому присоединяется территория.

В зарубежном научном и политическом дискурсе возвращение Севастополя и Крыма в состав России или присоединение территорий Луганской и Донецкой народных республик, Херсонской и Запорожской областей часто описываются как некий экстремальный случай. Однако в новейшей истории можно найти примеры реинтеграционных процессов в различных частях света.

В настоящей работе проводится сравнительный анализ двух зарубежных кейсов: включение в состав ФРГ земель, ранее входивших в ГДР, а также аналогичный процесс в КНР в отношении Гонконга. Два указанных случая, демонстрируя принцип наибольших различий, позволяют, тем не менее, выделить некоторые общие закономерности протекания реинтеграционных процессов.

Работа состоит из трех частей. В первой осуществлен анализ теоретических подходов к феномену реинтеграции, на основании обобщения которых предложена концептуальная рамка сравнительного анализа. Во второй произведен непосредственно разбор кейсов. В третьей представлен их сравнительный анализ.

Предполагая прежде всего вторичное использование данных, исследование опирается на обзор литературы, посвященной указанным случаям.

Теоретико-методологические основания

Весь массив литературы, посвященной теоретическим аспектам изучения реинтеграции (интеграции), можно условно разделить на две большие группы.

Первая группа исследований концентрируется на макроуровне. В качестве объекта рассматриваются большие социально-экономические и политические системы: государства, наднациональные союзы, регионы как системы и т.п. В качестве методологической основы используются различные

версии системного и институционального подходов, предполагающих анализ процессов интеграции (реинтеграции) на политическом, экономическом и социокультурном уровнях (Соколова, 2010) – при формировании общей политической системы нового порядка (Rosamond, 2000).

Вторая группа исследований базируется на социологических и политико-психологических подходах. В качестве объекта изучаются случаи личностной реинтеграции – как отдельных индивидов, так и их групп, в частности мигрантов и вынужденно перемещенных лиц.

Работы из первой группы основываются на теориях межгосударственной интеграции. Немецкий политолог Г.С. Шаль (Schaal, 2001) выделяет в рамках институционального подхода четыре школы исследований, используя понятие нормы в качестве центрального: 1) либералистическую (Роулз, Леймор, Акерман) – исследуется консолидирующий потенциал норм; 2) дискурсивную (Хабермас, Бейнс, Герстенберг, Или) – обеспечение нормами коммуникации и учета интересов; 3) конфликтную (Редель, Франкенберг, Дюбель) – норма как противовес конфликтогенности; и 4) ценностную (Бекенферде, Барбер, Сменд) – нормы как воплощение общих ценностей.

Американские политологи Л. Хорге и Г. Маркс (Marks, 2012; Marks, Hooghe, 2019) выделяют иные методологические основания для исследований интеграции: 1) неофункционалистские – интеграция определяется схожим экономическим «эффектом перелива» и изначальными ожиданиями от нее как от общего блага (Haas, 1958/2004; Ilievski, 2015); 2) интерговернменталистские – интеграция как процесс, подконтрольный правительствам и определяемый их политическими интересами; и 3) постфункционалистские – интеграция как столкновение идентичностей и как стремление преодолеть некий конфликт. В рамках интерговернменталистского направления авторы выделяют два подхода: 1) «реактивный», в соответствии с которым интеграция происходит вследствие изменения баланса сил с сохранением изначальных национальных государств (Milward, 1992); 2) «либеральный», согласно которому интеграция является ответом на состояние взаимозависимости и формируется под значительным влиянием функциональных интересов каждого государства (Moravcsik, 1998). В рамках постфункционалистского направления, к которому себя относит сам Г. Маркс, анализ политической интеграции разделяется на три составляющие: 1) выявление различий между международным статус-кво и функциональным давлением на разных уровнях вследствие взаимозависимости (Marks, 2012); 2) изучение обстоятельств и окружения, в которых принимаются решения; и, наконец, 3) достижение понимания того, каким образом интеграция изменяет структуру политического конфликта (Hooghe, Lenz, Marks, 2019).

Примером использования теорий из первой группы прежде всего являются исследования, посвященные европейской интеграции и рассматривающие ее историю, эффективность и перспективы развития. Можно упомянуть такие

темы, как исторические особенности функционирования правительств внутри государств и между ними в рамках (потенциального) объединения (Marks, 2012), поздняя реинтеграция институтов отдельных государств после отказа от участия в общеевропейских правовых проектах (Genschel, Jachtenfuchs, Migliorati, 2022), политическая экономия европейской интеграции (Jones, Verdun, 2005). Работы, посвященные евразийской интеграции (в рамках ЕврАзЭС), в числе прочего рассматривают риски и перспективы стратегических вызовов (Мешкова, 2019), особенности сопряжения законодательства (Margaritou, 2021) и геополитические возможности для России (Лескова, Парфенов, Адамская, 2023).

В исследованиях из второй группы изучается личностная реинтеграция. В них анализируются как модели поведения индивидов, так и государственные меры по обращению с гражданами и организациями с целью успешного восстановления стабильной общественной жизни и экономики. В отличие от исследований из первой группы, в качестве основных выступают социологические и политико-психологические методы, используемые для оценки эффективности реинтеграционных мероприятий или описания исходного состояния перед их проведением. В их число входят опросы, фокус-группы и экспертные интервью. Типичным примером подобных исследований являются практико-ориентированные работы, выполненные по заказу ООН и иных международных организаций, целью которых – является разработка рекомендаций на основе анализа результатов реинтеграции перемещенных лиц и лиц, подвергшихся влиянию войны (Socio-Economic Reintegration..., 2009; Repatriation and reintegration of children..., 2023; Reintegration in the Transition from War to Peace, 1997).

Только начинают появляться комплексные исследования реинтеграции регионов вследствие неразработанности проблематики как таковой, а также ограниченности феномена историческим контекстом. Имеющиеся работы охватывают области современных геополитических конфликтов и содержат рекомендации по возвращению территорий под контроль государства, в состав которого они входили ранее. В качестве метода используется не только анализ статистических данных и декларативных документов, но также глубинное интервью, что выводит подобного рода исследования в область политической психологии (Garcés-Mascareña, Penninx, 2016; Schammann, Bendel, Müller, Ziegler, Wittchen, 2020; Reintegration in the Transition from War to Peace, 1997; Creating Transnational Conditions..., 2021; Grawert, Mielke, Pleisnitzer, Markiewicz, Rifat, Abdou, 2020).

Опираясь на опыт проанализированных выше исследований, можно предложить следующую наиболее общую рамку для сравнительного анализа реинтеграционных процессов (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Общая рамка для сравнительного анализа интеграционных процессов¹

Table 1. A general framework for comparative analysis of integration processes

	Политика	Экономика	Культура
Макроуровень (системная реинтеграция)			
Микроуровень (субъективная реинтеграция)			

Данная модель предполагает проведение комплексного анализа реинтеграционных процессов на двух уровнях: 1) системном – выявление комплекса формирующихся связей между реинтегрирующимся объектом и реинтегрирующей его системой, и 2) личностном – изучение адаптации индивидов и групп, проживающих на территории реинтегрируемого региона, к существованию в рамках единого государства. На каждом из уровней реинтеграция может быть рассмотрена в трех измерениях: политическом, экономическом и социокультурном. При проведении сравнительного анализа важно учитывать не только сходства и различия по каждому из измерений на каждом из уровней, но и межуровневые и межсекторальные связи. Как взаимовлияют и взаимообуславливают динамику процессы реинтеграции в политическом, экономическом и социокультурном измерениях? Как связаны между собой процессы на системном и личностном уровнях?

Опыт реинтеграции в новейшей истории

В рамках исследования были рассмотрены два кейса: Восточная Германия – ФРГ и Гонконг – КНР, представляющие собой уникальные примеры реинтеграции государств, обладающих разными культурными (Европа и Азия) и социально-экономическими (вхождение социалистического государства в капиталистическое и наоборот) характеристиками (см. Таблицу 1).

Восточная Германия

В ходе реинтеграции происходила ликвидация государственного аппарата и вхождение округов бывшей Германской Демократической Республики в Федеративную Республику Германия. ГДР была образована в 1949 г. в советской зоне оккупации в ответ на создание ФРГ союзниками – США, Великобританией и Францией. Вследствие периода политико-экономической нестабильности и потери заинтересованности СССР в поддержке восточногерманского государства, являвшегося «форпостом» соцблока на Западе в период холодной войны, в 1990 г. был сначала заключен валютный союз между ФРГ и ГДР, а затем решением Народной палаты последней упразднены соответствующие государственные институты.

¹ Источник: составлено авторами.

Экономика. Система народного хозяйства ГДР была основана на государственной собственности при почти полном отсутствии рыночных механизмов. В конце 1980-х гг. стали очевидными хроническая нехватка ряда важных ресурсов и стагнация в развитии. Проявилась проблема технологической отсталости многих предприятий ГДР в сравнении с таковыми в ФРГ при неспособности экономики последней поднять уровень жизни в восточногерманских землях до уровня западных. Для того чтобы сгладить разницу, с началом реинтеграции был создан специальный Фонд германского единства капитализацией в 115 млрд марок. Его объемов оказалось недостаточно: общие вливания в восточногерманскую экономику составили порядка 1 трлн марок (Jansen, 2004). Несмотря на это, макроэкономическую интеграцию можно назвать успешной лишь частично: многие восточногерманские предприятия закрылись из-за неспособности вести деятельность по новым правилам либо не выдержали конкурентной борьбы. Примечательно, что одной из причин последнего стало повышение зарплат работников до уровня западных, что привело к существенному росту производственных издержек (Fritsch, Sorgner, Wyrwich, 2015). Реорганизация сельхозкооперативов («колхозов») также оказалась проблематичной: значительная часть их активов не была распределена между бывшими владельцами – частными хозяйствами, ставшими частными предприятиями, – а показатели отрасли значительно просели². Экономический упадок привел к социальной депрессии, проявившейся прежде всего в высоком уровне безработицы: так, если в 1990 г. (до объединения) в ФРГ имелось 1,8 млн безработных, то к 1998 г. это число возросло до 4,6 млн.

Характер экономической реинтеграции негативно отразился и на микроуровне: как на семейных хозяйствах, так и на личностном восприятии. Опросы 1997 г. выявили более высокий уровень обеспокоенности среди респондентов из бывшей ГДР по таким вопросам, как «собственное материальное положение», «наличие стабильной работы», «уверенность в обеспеченности жильем», «рост преступности», «сохранение мира», «социальные гарантии для детей» в сравнении с согражданами из западной части страны (Lang, 1999). Данные тревоги были вполне обоснованы. Так, число занятых сократилось с 8 млн (1990 г.) до 5,9 млн (1993 г.) и при незначительных колебаниях, вызванных внутренней трудовой миграцией, сохранилось на том же уровне до 2011 г. (5,9 млн). Одной из причин экономического упадка стали структурные изменения: на фоне развившегося сектора услуг и социального обеспечения процент занятых в промышленности сократился с 47,4 в 1989 г. до 25,6 в 2013 г. Вдвое выросла часть самозанятого населения, превысив соответствующую

² *Umstrukturierung der Landwirtschaft. Bundesstiftung Aufarbeitung.* Available at: <https://deutsche-einheit-1990.de/ministerien/melf/lw-struktur/> (accessed 5 June 2023); Neißer W. (2012) Die LPG wurde meistens eine Agrargenossenschaft. *nd*, 16 June. Available at: <https://www.nd-aktuell.de/artikel/229931.die-lpg-wurde-meistens-eine-agrargenossenschaft.html> (accessed 5 June 2023).

долю среди жителей западных земель (Fritsch, Sorgner, Wyrwich, 2015). Несмотря на действия правительства, направленные на преодоление дифференциации уровня жизни в федеральных землях, разница между экономическими системами западногерманских и восточногерманских регионов проявлялась и далее, в частности, в росте заработных плат при внутренней трудовой миграции (Peukert, Smolny, 2011).

Таким образом, трудности, связанные со структурной перестройкой экономики восточных земель, а также ее слабой конкурентоспособностью в новых условиях, привели к снижению реинтеграционного потенциала на макроуровне, на который, по крайней мере, формально, возлагались надежды как во внутригерманском контексте, так и в свете европейской интеграции (Günther, Lippert, 1991). Данные явления нашли свое отражение на субъективно-личностном уровне, затронув как непосредственное трудоустройство и материальную обеспеченность граждан, так и их экономические поведение и восприятие.

Политика. Несмотря на то что политическая система ГДР разительно отличалась от таковой в ФРГ, первоначальная интеграция прошла относительно спокойно. Аффилированные с государством организации, такие как Социалистическая Единая Партия Германии (СЕПГ), Национальная Народная Армия (ННА), военизированная организация производственных рабочих «Боевые Группы Рабочего Класа» (БГРК) не смогли оказать существенного влияния на сохранение ГДР. В условиях экономической нестабильности и отсутствия гарантий внешнеполитической поддержки в случае насильственного подавления брожений (Hertle, 2009) государственный аппарат оказался неспособен сохранить авторитет и рычаги управления. В результате произошли делигитимизация упомянутых институтов и последующая «мирная» ликвидация или инкорпорация (яркий пример – ННА) (Ovens, 2009) отдельных частей³ в структуры Западной Германии. Так, по данным Федерального Архива ФРГ в 1990-е гг. по уголовным делам против бывших сотрудников МГБ ГДР («Штази») лишь в 87 из 251 случая был вынесен приговор, оценивающийся как «мягкий»⁴, что контрастирует с жесткой критикой мер, предпринятых спецслужбой, и исторической памятью о ней.

Анализируя личностный уровень политики, важно упомянуть о разделении на элитные группы бывшей ГДР, имеющие разные модели поведения и установки: «восси», социализированные уже в ФРГ; депутаты «Левой» партии и иные граждане, имеющие доступ к управлению. Как показало исследование

³ Pfennig W., Lee E.-J. (Verfasser) (2010) Band 04: Polizei in einer wiedervereinigten Stadt. *Tongilbu. Freie Universität Berlin*. Available at: <https://www.geschkult.fu-berlin.de/e/tongilbu/publikationen/2010/band04/index.html> (accessed 4 November 2022).

⁴ Herbstritt G. (n.d.) Strafverfolgung wegen MfS-Unrechts. *Das Bundesarchiv. StaSi-Unterlagen-Archiv*. Available at: <https://www.stasi-unterlagen-archiv.de/mfs-lexikon/detail/strafverfolgung-wegen-mfs-unrechts/> (accessed 4 November 2022).

Л. Фогеля, «воссии» более ориентированы на индивидуалистскую конкуренцию между политическими акторами, в то время как представители «Левой» партии более привержены идеям равенства и коллективизма. И если первые выступают за независимый статус элитных групп, то вторые занимают умеренные позиции по данному вопросу (Vogel, 2017). Разной является и пропорциональная степень вовлеченности во властные структуры единой Германии: представители истеблишмента бывшей ГДР традиционно «не дотягиваются» до соответствующего им процента от общего числа занимаемых должностей, что объясняется отсутствием конкуренции и потребности в инновациях для повышения статуса в рамках социалистической системы. Граждане, выросшие в ГДР и привычные к старым общественным нормам, оказавшись в новых условиях капиталистических отношений, зачастую не придают значения соответствующим ценностям и установкам, что сказывается на их карьерном росте (Best, 2017) либо на успешности экономических предприятий и макроэкономической интеграции (Тоерел, 2000). Большую роль в данном процессе играет большая адаптивность молодежи к новым реалиям (Lang, 1999).

Таким образом, политическая реинтеграция ГДР характеризовалась системным сломом прежних общественно-государственных отношений и властных институтов наряду с частичным встраиванием старых восточногерманских элит и политического дискурса в новое общегерманское пространство.

В работах на культурно-демографическую тематику отмечается, что положительный образ ГДР в сознании жителей восточных земель чаще всего связывался с уверенностью в завтрашнем дне. О роли данного показателя свидетельствуют лонгитюдные социологические исследования, проведенные в 1980–1990-х гг. В последние годы существования государства они зафиксировали снижение согласия с такими утверждениями, как «политическая связь с ГДР»⁵, «уверенность в будущем социализма» и «марксизм-ленинизм дает ответы на жизненные вопросы». В то время как доля респондентов, разделяющих данные тезисы, снизилась с 88%, 87% и 54% в 1987 г. до 67%, 63% и 25% в 1989 г. соответственно, процент «уверенных в своем будущем в ГДР» оставался предельно высоким вплоть до упразднения восточногерманского государства (Förster, 2006). Важно учитывать, что положительные оценки прошлого чаще выражаются бывшими представителями управленческих классов, ощущающих помимо прочего чувство ненужности, которое отсутствовало при прежнем строе (Brussig, 2003).

С 1993 г. в немецком языке стало употребляться понятие «остальгия», описывающее ностальгический сентимент по отношению к ГДР, встречающийся преимущественно среди жителей восточных регионов. При этом отмечается, что испытываемое чувство имеет отношение не к реальной ГДР, а скорее к ее

⁵ Под этим понимается согласие с тезисом «Я чувствую тесную связь с ГДР как со своей социалистической родиной» (*„Ich fühle mich mit der DDR als meinem sozialistischen Vaterland eng verbunden“*).

образу, который был сконструирован еще в годы существования государства и частично дополнен индивидуальным социально-экономическим опытом последующих лет (Banchelli, 2006). Анализируя феномен ностальгии, С. Бойм выделяет два ее подтипа – восстанавливающую и рефлексивную. В первом случае речь идет о конструктивном процессе пробуждения национального чувства, основанного на стремлении сохранить память о прошлом и вернуть атрибуты прежней эпохи. Рефлексивная же ностальгия подразумевает тоску по ушедшим временам, надломленный процесс воспоминания и осознание необратимости исторических изменений (Boym, 2003). Л. Гарофала полагает, что «остальгия» относится к восстанавливающему типу, поскольку она проистекает из желания сохранить элементы недалекого прошлого (Garofala, 2012), в дискурсе о котором жители восточных земель воссоздают собственную идентичность.

Несмотря на существование феномена остальгии, стоит отметить, что он не влечет за собой прямых политических последствий. Так, согласно исследованию 2019 г. (Neu, 2019), в котором приняло участие 2040 человек, большая часть респондентов из восточных земель не разделяет мнения о том, что жизнь в ГДР была лучше (61%), и никогда не испытывает тоску по ГДР (56%). Это можно истолковать как общее отсутствие стремления вернуться к старым отношениям. В то же время, при почти единодушном одобрении самого процесса Воссоединения (*Wiedervereinigung*) среди них весьма высок процент считающих, что в западной части страны не понимают, через что прошли (66%) и чего достигли жители ГДР (72%). Хотя подобные результаты показывают существование культурно-экономических различий между группами населения объединенной Германии, их политический потенциал весьма сомнителен. Разницу между двумя частями страны демонстрирует также восприятие семьи и брака. Так, согласно исследованию 2018 г., жительницы восточных земель в большей степени готовы к рождению детей, реже одобряют институт яслей, предпочитая заботиться о ребенке самостоятельно, и выражают большее несогласие с его воспитанием в одиночку (Schiefer, Naderi, 2018). Эти данные согласуются с рядом предыдущих исследований, в частности 2011 г. (Kreyenfeld, Goldstein, 2011), выявивших наличие на Востоке следующих тенденций: более молодой возраст матери при рождении первого ребенка; менее высокий уровень бездетности; большее число детей, рожденных вне брака; значительный уклон женщин в сторону совмещения работы и заботы о ребенке.

После реинтеграции культурные учреждения ГДР подверглись реорганизации по западному образцу, что в первую очередь было продиктовано введением унифицирующих административных предписаний. Данная мера, наряду с вовлечением в работу специалистов из западной части Германии, привела к относительной напряженности среди управленцев в этой сфере. Снисходительное отношение к культуре восточных земель в целом также не могло не затронуть социальные отношения (Sievers, Föhl, Knoblich, 2016). Схожая разница и недооцененность со стороны западных немцев наблюдалась и в области науки. Между тем образовательная система ГДР наряду

с исследовательскими институтами не только функционировала в других социально-экономических условиях, но и обладала уникальными объектами инфраструктуры, в частности, имеющими связи со странами «третьего мира» (Reetz, 1991).

Таким образом, реинтеграция бывшей ГДР в состав ФРГ являлась и до сих пор остается многофакторным процессом, проходящим в нескольких измерениях: экономическом, политическом и культурно-демографическом. Несмотря на наличие значительного потенциала, успешной ее можно назвать лишь частично. Стабильное функционирование государственных институтов ФРГ в Восточной Германии не отменяет выявленных проблем на макро- и микроуровне. Налицо недостаток планирования и конкретных мер, а также отсутствие адекватных инструментов инкорпорации бывшей социалистической экономики.

Гонконг

Предпосылкой повторного вхождения Гонконга в состав материкового государства стало истечение срока действия Соглашения о расширении Гонконга между империей Цин и Соединенным Королевством. В договоре от 1898 г. фиксировалось право Британии на аренду части территорий на 99 лет, и таким образом подводился итог борьбы с Китаем за колониальное доминирование в регионе. В 1980-х гг. вопрос о принадлежности Гонконга вновь вышел на повестку дня и был решен в пользу его передачи под контроль КНР в 1997 г. с установлением особого переходного периода до 2047 г. При этом Соединенное Королевство было формально обязано вернуть лишь часть территорий, арендованных в рамках Соглашения, остальные были получены в полную собственность по Нанкинскому договору (1840) и Пекинскому соглашению (1862), – но по конъюнктурно-имиджевым причинам отказалось от всех.

Активная экономическая реинтеграция имела место одновременно на системном и на личностном уровнях. Как и в случае с ГДР, одной из причин вхождения в состав другого государства стали экономические проблемы. В 1980-х гг. на фоне нескольких кризисов в Гонконге отмечался рост недовольства из-за падения уровня жизни, связываемого с колониальным администрированием и перебоями в снабжении с материкового Китая, что стимулировало британское правительство пойти на уступки требованиям КНР вернуть территории.

На макроуровне в начале реинтеграции сыграли ключевую роль такие явления, как снижение стоимости рабочей силы вследствие миграции с «Большой земли» и поступления более дешевых трудовых ресурсов, развитие международных связей, акцентуализация этно-фамильных паттернов среди элитных групп. Это привело к усилению зависимости экономики Гонконга от материковой части КНР, что проявилось в том числе в значительном росте доли «китайских» предприятий на рынке: с порядка 8% в 1995 г. до 64% в 2018 г. (Yuen, Cheng, 2015). Гонконг имеет тесные экономические связи с Шанхаем и Шэньчжэнем и, будучи включенным в совместную с ними программу

Stock Connect, выступает важным звеном в интернационализации фондовых рынков Китая (Cheng, Chow, Chui, Wong, 2019). С учетом относительно стабильной экономики региона сказанное выше может свидетельствовать о вполне успешной реинтеграции Гонконга в этой сфере, несмотря на наличие ряда отрицательных тенденций, таких как снижение уровня жизни, изменение возрастной структуры населения и повышение цен на недвижимость.

Анализируя личностный уровень реинтеграции экономики Гонконга, следует отметить неформальные связи между его экономической элитой и властями КНР, ставшие одним из катализаторов объединения двух систем (Mathews, Ma, Lui, 2008; Smart A., Smart J., 1991). Подобные контакты зиждутся на многовековой истории двустороннего взаимодействия, и их потенциальное влияние на политическое будущее Гонконга обсуждалось еще до вхождения последнего в состав КНР в 1997 г. (Lui, 2000). Позиции китайских деловых кругов в Гонконге усилились в 1980-х гг. в ходе конкуренции с британскими банками и корпорациями, терявшими позиции вследствие неудач на рынке и государственных мер по деколонизации (Lui, 2008), что повысило реинтеграционный потенциал. Схожим образом крепнут связи между континентальным Китаем и рядовыми гражданами Гонконга. Так, более 500 тысяч из 7 млн гонконгцев проживают в соседней провинции Гуандун (Cabestan, Florence, 2018).

Таким образом, при анализе экономической интеграции Гонконга на обоих уровнях можно констатировать относительно успешное взаимодействие полуострова и материковой части Китая, в ходе которого не последнюю роль сыграли общие экономическое прошлое и культурно-социальный континуум.

Отличительной особенностью политической реинтеграции Гонконга на макроуровне было то, что переход под юрисдикцию Китая не сопровождался падением институтов государственности. Это определяет постепенный характер трансформации, основывающейся на принципе «Одна страна, две системы», который формально закрепляет автономный статус Гонконга с сохранением капиталистической экономики и специфических для него политических институтов. Вместе с тем, хотя и до вхождения в состав КНР уровень демократии в Гонконге не оценивался как высокий, его показатели за последние десять лет значительно снизились (The China challenge, 2021). Так, на территории перестали проводиться всеобщие выборы главы (руководителя правительства). Вместо этого он назначается специальным комитетом, состоящим из видных представителей бизнеса и политики. В 2021 г. изменения коснулись и специфики избирательного процесса в Законодательный Совет: список кандидатов стал проходить через дополнительный фильтр на предмет «патриотизма и уважения по отношению к Коммунистической Партии Китая»⁶. Примечательны заявления о давлении «континентальной элиты» на местную

⁶ Ho K. (2011) Beijing approves resolution to overhaul Hong Kong's elections – candidates to be vetted. *Hong Kong Free Press*, 11 March. Available at: <https://hongkongfp.com/2021/03/11/breaking-beijing-approves-resolution-to-impose-electoral-overhaul-on-hong-kong> (accessed 6 November 2022).

при попытках последней развивать программы социального строительства, что связывается с экономическими и имиджевыми потерями центрального правительства (Cabestan, Florence, 2018).

Перейдя под значительное влияние КПК, политическая система Гонконга, тем не менее, была интегрирована не полностью, что выражается на личностно-политическом уровне. Ярким примером остающегося пространства для политического маневра является протестная деятельность, хотя и отчасти инерционная. Э. Саутеде, изучая разницу между волнами протеста 2014 г. и 2019 г. (во втором случае демонстрации были направлены против разрешения экстрадировать заключенных в «Большой Китай»), отмечает: несмотря на ужесточившиеся меры со стороны центральной власти по отношению к гонконгским оппозиционерам, последние уличные акции показали, что состав движений стал более молодым, а их идеологическое наполнение – более радикализированным (Sautedé, 2020). Можно предположить, что это осложнит дальнейшую реинтеграцию. Другой формой противодействия интеграции является политический консьюмеризм – выбор тех или иных товаров исходя из отношения к их производителю, что также было зафиксировано в Гонконге (Wong, Kwong, Chan, 2021).

Таким образом, политическая реинтеграция Гонконга характеризуется созданием единой системы властных отношений между общежитайскими и гонконгскими элитами на макроуровне при сохранении значительного разрыва между политическими акторами на личностном уровне и между малыми и средними группами.

На обоих уровнях в культурно-демографической сфере наблюдаются противоречивые эффекты. Несмотря на то что в большинстве случаев кантонцы, преобладающие в структуре населения Гонконга, считаются этническими китайцами (ханьцами), жители специального административного района не всегда идентифицируют себя с последними. Помимо этого, среди представителей (суб)этнических групп распространено использование собственных миноритарных языков и диалектов (Ember, Carol, Skoggard, 2005), что приводит к разрыву «этнического континуума» с континентальной частью КНР. Различия, сформированные вследствие особенностей социально-исторического развития Северного и Южного Китая, накладываются на современные политические условия, характеризующиеся усилением роли центрального правительства КНР во внутренних делах Гонконга. Такого рода трансформации, сопровождаемые протестами среди различных слоев населения, привели к усилению гонконгской идентичности в молодежной среде и относительному снижению самоидентификации с ханьцами⁷ (Kam, 2020; Xu, 2015). Схожие

⁷ *The Economist* (2019) Almost nobody in Hong Kong under 30 identifies as "Chinese". 26 August. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/08/26/almost-nobody-in-hong-kong-under-30-identifies-as-chinese> (accessed 22 June 2023).

тенденции наблюдаются и в сфере образования: сохраняющаяся относительная автономия Гонконга в этой области, включая нормотворчество, влечет за собой пробуждение национального чувства, которое противоречит проецируемому центральным правительством образу единого Китая (Liu, 2021).

В числе неоднозначных эффектов реинтеграции можно назвать восприятие специального административного района жителями материковой части страны. Гонконг, подверженный сильному влиянию зарубежной культуры, существенно отличается от традиционного рефлексивного образа КНР, вследствие чего его можно описать как некий мост между Китаем и Западом (Lo Wai Yat, Lee, Abdrasheva, 2022). Местные продукты творческой деятельности (фильмы, музыка) с одной стороны воспринимаются как отличающиеся от «исконно китайских», а с другой – считаются в целом «своими» (Chu, 2020), привнося таким образом западные мотивы в китайскую культуру.

Особую роль в культурной реинтеграции на личностном уровне играет мультикультурализм Гонконга. С одной стороны, он основывается на принципе инклюзивности в отношении представителей различных этнических групп. С другой – поддерживает специфическую социальную иерархию, в которой учитывается влияние традиционных для региона этно-профессиональных групп (Arat, Kerelian, Dhar, 2022). В определенной степени реализации консолидационного потенциала препятствует политика правительства, проводимая по принципу разделения на «лояльную» и «нелояльную» культуру, что не всегда находит понимание среди жителей региона (Chow, 2012).

Таким образом, при анализе реинтеграции в культурной сфере были выявлены противоречивые тенденции на обоих уровнях. На макроуровне происходит постепенная адаптация, а в ряде случаев – ассимиляция кантонцев, что вызывает как отрицательные, так и положительные реакции со стороны жителей региона. На личностном уровне местами формируется идентичность, не совпадающая с общекитайской. В то же время население континентальной части КНР потребляет и инкорпорирует продукты самобытной культуры Гонконга.

В случае Гонконга основной движущей силой стали экономические факторы, оказавшие заметное влияние на британскую администрацию задолго до начала интеграции. Политический же и культурный компоненты продемонстрировали противоречивый потенциал, о чем свидетельствуют незавершенность процесса интеграции на макроуровне, противодействие со стороны оппозиции, а также формирование специфической локальной идентичности. Реинтеграция Гонконга отличается от случая ГДР наличием высокой степени автономности и даже некоторых признаков государственности, значительным экономическим и культурным капиталом, расколом по линии «Восток–Запад».

Закключение

Рассмотренные случаи позволили выявить общие черты и характерные изменения, происходившие с реинтегрируемыми территориями в трех измерениях – политическом, экономическом и культурно-демографическом – на системном (макро-) и личностном (микро-) уровнях. Результаты сравнительного анализа данных особенностей отображены в Таблице 2.

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа особенностей реинтеграции ГДР и Гонконга⁸

Table 2. The results of a comparative analysis of the features of the reintegration of the GDR and Hong Kong

	Политика	Экономика	Культура
Макроуровень (системная реинтеграция)	ГДР		
	Демонтаж государственных органов и полное реформирование административной системы	Дестабилизирующая трансформация социалистической (с элементами рыночной) экономики в капиталистическую	Маргинализация официального дискурса и культуры быта эпохи ГДР
	Гонконг		
	Сохранение временной ограниченной автономии и отличного от континентального Китая законодательства	Сохранение экономической системы с постепенной интеграцией общежитайских элементов	Двойственная интеграция Гонконга как эндо- и экзогенного элемента в общежитайское культурное пространство
Микроуровень (субъективная реинтеграция)	ГДР		
	Частичная адаптация и интеграция предшествующих элит	Посредственное достижение показателей по выравниваю уровня жизни между Востоком и Западом	Относительно успешная культурная интеграция индивидов, создание общего дискурсивного пространства
	Гонконг		
	Постепенная нейтрализация элит, оппозиционных центру	Развитие личностной экономической взаимозависимости с остальной частью КНР	Разнополярные процессы ассимиляции в общежитайском дискурсе и популяризация кантонской идентичности

Несмотря на то, что в полях сравнительной матрицы показатели реинтеграции ГДР и Гонконга различаются вследствие особенностей исторического и культурного контекста, можно отметить одну общую черту: в обоих случаях катализатором процесса реинтеграции стал экономический фактор, в результате действия которого сформировались запрос на изменения на макроуровне и ожидания на микроуровне. В ГДР это выразилось

⁸ Источник: составлено авторами.

в структурном кризисе, а в Гонконге – в росте необходимости сопряжения региональной экономики с «континентальной». Находясь в тесной связи с политической сферой, экономические процессы направляли в нее соответствующие сигналы, которые могли способствовать принятию решений, выгодных всем сторонам. Сфера культуры в начале каждого из процессов реинтеграции при этом выступала в качестве консолидирующего фактора, в случае ГДР апеллируя к национальному чувству, освобождению и общему языку, а в случае Гонконга – к цивилизационной близости двух субъектов, неформальным системным связям.

Сравнительный анализ также показал наличие взаимосвязи между политическим и культурным. Так, несмотря на то, что бытовые уклады и художественное наследие эпохи ГДР долгое время подвергались обструкции на макроуровне, вызывая социальное напряжение, удовлетворение политическими изменениями привело к нейтрализации этого негативного фактора. В случае же Гонконга позитивный эффект от культурной близости снижается в связи с существованием этнических различий и относительной непопулярностью политических решений центра, что приводит к брожениям на личностном уровне.

Несмотря на кризисный характер развития во всех сферах, проявившийся через некоторое время после формального объединения двух территорий, можно выдвинуть гипотезу о том, что для успешного начала процесса реинтеграции требуется присутствие соответствующих настроений, которые могли бы стать катализатором как минимум в одной из сфер при наличии консолидирующего фактора в другой. Кроме того, можно сделать предположение о необходимости формирования уверенности в будущем у жителей реинтегрируемой территории для полноценного функционирования общей культурной матрицы на микроуровне.

Дальнейшее исследование и структуризация имеющихся данных о реинтеграции позволят достичь большего понимания феномена и выработать рекомендации по его анализу и обращению с ним в социально-политических практиках, а также при выполнении задач, стоящих перед российским обществом.

Список литературы

1. Лескова И.В., Парфенов Д.А., Адамская Л.В. (2023) Евразийская интеграция и реинтеграция России: вызов неолиберальному миропорядку на основе традиционных ценностей. *Вестник евразийской науки* 15(1). URL: <https://esj.today/PDF/83ECVN123.pdf>.
2. Мешкова Т.А. (отв. ред.) (2019) *Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России*: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
3. Соколова Н.В. (2010) *Политическая интеграция: генезис и перспективы развития (на примере ЕС, СНГ, Союзного государства России и Беларуси)*. Автореферат дис. кан. полит. наук. Воронежский государственный университет, Воронеж.

4. Arat G., Kerelian N.N. and Dhar M. (2022) Multiculturalism with Hong Kong Characteristics. A Qualitative Study. *Du Bois Review: Social Science Research on Race* (1): 191–211.
5. Banchelli E (2006) *Taste the East: linguaggi e forme dell'Ostalgie*. Bergamo: Bergamo university press.
6. Best H. (2017) Die Ausgangslage 1989/90: Elitenwechsel oder Elitenreproduktion? In: Laue A. (Hrsg) *Ostdeutsche Eliten. Träume, Wirklichkeiten und Perspektiven*. Deutsche Gesellschaft E.V. S. 38–44.
7. Boym S. (2003) Ipocondria del cuore: nostalgia, storia e memoria. In: *S. B. u.a., Nostalgia. Saggi sul rimpianto del comunismo*. Milano: Bruno Mondadori. S. 49–60.
8. Brussig T. (2003) Proviamo nostalgia perchè siamo esseri umani. In: *S. B. u.a., Nostalgia, Saggi sul rimpianto del comunismo*. Milano: Bruno Mondadori. S. 113.
9. Cabestan J.-P. and Florence É. (2018) Vingt ans après la rétrocession: des transformations économiques et politiques de Hong Kong et de son avenir sous le régime chinois. *China Perspectives* (3): 3–7. DOI: 10.4000/chinaperspectives.8004.
10. Cheng A.W.-W., Chow N.S.-C., Chui D.K.-H. and Wong W.-K. (2019) The Three Musketeers Relationships between Hong Kong, Shanghai and Shenzhen Before and After Shanghai–Hong Kong Stock Connect. *Sustainability* 11(14): 3845. DOI: 10.3390/su11143845.
11. Chow V.I. (2012) *Chinese Elitism and Neoliberalism – Post-colonial Hong Kong Cultural Policy Development: A Case Study*. The University of Hong Kong.
12. Chu Y.-W. (2020) Hong Kong (in China) studies: Hong Kong popular culture as example. *Global Media and China* 5(2): 109–123. DOI: 10.1177/2059436420917564.
13. Ember M., Ember C.R., Skoggard I.A., et al. (eds) (2005) *Encyclopedia of Diasporas: Immigrant and Refugee Cultures around the World*. New York: Springer.
14. Förster P. (Verf.) (2006) Warum viele junge Ostdeutsche den Kapitalismus wieder loswerden wollen. Beispiel: Die 32-Jährigen. In: *Sächsische Längsschnittstudie 1987–2005*. Leipzig. 91 S.
15. Fritsch M., Sorgner A. and Wyrwich M. (2015) Die Entwicklung der Wirtschaft in Ostdeutschland nach der Wiedervereinigung. *GWP – Gesellschaft. Wirtschaft. Politik* 64(2): 225–238. DOI: 10.3224/gwp.v64i2.19457.
16. Garcés-Mascareñas B. and Penninx R. (eds) (2016) *Integration Processes and Policies in Europe*. IMISCOE Research Series. Cham: Springer International Publishing. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4.
17. Garofala L.A. (2012) *Ostalgie. Ein Phänomen der Erinnerung. Tesi di Laurea Magistrale*. Univerità Ca'Foscari Venezia.
18. Genschel P., Jachtenfuchs M. and Migliorati M. (2023) Differentiated integration as symbolic politics? Constitutional differentiation and policy reintegration in core state powers. *European Union Politics* 24(1): 81–101. DOI: 10.1177/14651165221128291.
19. Grawert E., Mielke K., Pleisnitzer S., Markiewicz S., Rifat A. and Abdou A.M. (2020) *Reintegration in northern Iraq: the time is now for Europe to act*. (BICC Policy Brief, 7). Bonn: Bonn International Center for Conversion (BICC).
20. Günther D., Lippert B. and Stevens–Ströhm R. (1991) Eingliederung der fünf neuen Bundesländer in die Europäische Gemeinschaft. *Integration* 14(3): 125–132.
21. Haas E.B. (2004) *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. Contemporary European politics and society. Notre Dame, Ind: University of Notre Dame Press.
22. Hertle H.-H. (2009) The Fall of the Wall: The Unintended Self–Dissolution of East Germany's Ruling Regime. *Cold War International History Project Bulletin* 12/13: 131–164.
23. Hooghe L., Lenz T. and Marks G. (2019) *A Theory of International Organization*. Oxford: Oxford University Press.
24. Ilievski N.L. (2015) The concept of political intergration: the perspectives of neofunctionalist theory. *Journal of Liberty and International Affairs* 1(1).
25. Jansen H. (2004) Transfers to Germany's eastern Länder: a necessary price for convergence or a permanent drag? *ECFIN Country Focus* 1(16).

26. Jones E., Verdun A. (ed.) (2005) *The Political Economy of European Integration. Theory and analysis*. New York: Routledge.
27. Kam C.Y.P. (2020) *Chinese, Hong Kong Chinese, Hongkonger? The Construction of National Identity in light of the Anti-Moral and National Education Movement and the Umbrella Movement in Post-1997 Hong Kong*. PhD Thesis, University of Manchester, UK.
28. Knoblich T.J. (2016) Kulturpolitik nach der «Wende» – Verständnis und Missverständnisse. In: Sievers N., Föhl P.S., and Knoblich T.J. (eds) *Jahrbuch für Kulturpolitik*. 1st ed. Bielefeld, Germany: transcript Verlag, pp. 107–114. DOI: 10.14361/9783839435120-014.
29. Kreyenfeld M., Goldstein J. (2011) Der Osten liegt vorn: 20 Jahre nach der Wende liegt die ostdeutsche über der westdeutschen Geburtenrate. *ifo Dresden berichtet* 5/2011: 6–10.
30. Lang C. (1999) Ostdeutsche Befindlichkeiten ein Jahrzehnt nach der Wende – Ambivalente Spuren des Umbruchs. *Wirtschaft im Wandel* 5(16): 4–9.
31. Liu Y. (2022) A Review of the Research on the National Identity Education of Hong Kong Youth: In: *2021 International Conference on Social Development and Media Communication (SDMC 2021)*, Sanya, China, 2022. DOI: 10.2991/assehr.k.220105.138.
32. Lui T.-I. (2008) How a Fragmented Business-Government Alliance Has Helped Change Hong Kong's Political Order. *Hong-Kong Journal* 5. URL: <http://surl.li/rmygc>.
33. Liu Y. (2000) *Hong Kong Remembers*. Edited by Sally Blyth and Ian Wotherspoon. Hong Kong: Oxford University Press, 1996. 285 pp. – *Hong Kong's Transitions, 1842–1997*. Edited by Judith M. Brown and Rosemary Foot. New York: St. Martin's Press, 1997. xiv, 213 pp. \$59–95 (cloth). – *The Challenge of Hong Kong's Reintegration with China*. Edited by Ming K. Chan. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1997. xx, 221 pp. \$27.00 (paper). – *Hong Kong: An Appointment with China*. By Steve Tsang. London and New York: I. B. Tauris, 1997. xiii, 274 pp. \$17.95 (paper). *The Journal of Asian Studies* 59(3): 698–701.
34. Lo W.Y.W., Lee J.T. and Abdrasheva D. (2022) Global pedigree and national imperative: Hong Kong universities' response to China's grand strategies. *Higher Education* 84(1): 141–157. DOI: 10.1007/s10734-021-00758-9.
35. Margaritou K. (2021) EAEU Policies and Governance – The Future of Eurasian Integration. *Russia and New States of Eurasia* (1): 23–42. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-23-42.
36. Marks G. (2012) Europe and Its Empires: From Rome to the European Union. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 50(1): 1–20. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2011.02218.x.
37. Marks G. and Hooghe L. (2019) Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy* 26(8): 1113–1133. DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711.
38. Mathews G., Ma E. and Lui T. (2008) *Hong Kong, China: Learning to Belong to a Nation*. Routledge contemporary China series 23. London ; New York: Routledge.
39. Milward A.S. (2000) *The European Rescue of the Nation-State*. 2nd ed. London ; New York: Routledge.
40. Moravcsik A. (1998) *The Choice for Europe*. Ithaca: Cornell.
41. Neu V. (2019) Keine Sehnsucht nach der DDR Ergebnisse einer repräsentativen Bevölkerungsumfrage der Ost- und Westdeutschen zum 30-jährigen Mauerfall. *Konrad-Adenauer-Stiftung. Analysen und Argumente* 376.
42. Ovens O. (2003) *Die Nationale Volksarmee der DDR zwischen «Wende» und Auflösung. Der Untergang der NVA im Lichte des Zusammenbruchs der DDR*. Inaugural Dissertation. Universität Regensburg. DOI: 10.5283/epub.10188.
43. Peukert C. and Smolny W. (2011) Interregional Migration in Germany: Characteristics and Effects for Regions and Migrants. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.1782013.
44. Reetz D. (1991) Die Entwicklungsländerforschung in der DDR nach der Wende: Veränderung in Konzeption und Struktur. *Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien*: 40–41.
45. *Reintegration in the Transition from War to Peace*. (1997) UNHCR.
46. *Repatriation and reintegration of children affected by conflict in Syria and Iraq to Central Asia* (2023). United Nations Children's Fund.
47. Rosamond B. (2000) *Theories of European Integration*. London.

48. Sautedé É. (2020) The Fatality of Dissent: Comparing the 2014 and 2019 Hong Kong Protests. In: Amighini A (ed) *Between politics and finance: Hong Kong's "Infinity War"?* Milano: Ledizioni LediPublishing. pp. 43–57.
49. Schaal G.S. (2001). Integration durch Verfassung und Verfassungsrechtssprechung? Theoretische Anmerkungen. *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft* 30(2): 221–232.
50. Schammann H., Bendel P., Müller S., Ziegler F. and Wittchen T. (2020) *Zwei Welten? Integrationspolitik in Stadt und Land*. Metzingen: LogoPrint.
51. Schiefer K. and Naderi R. (2018) Mütter in Ost- und Westdeutschland: Wie wichtig sind regionalspezifische Leitbilder für Elternschaft. In: Schneider N.F., Diabaté S., Ruckdeschel K. *Familienbilder in Deutschland: Kulturelle Vorstellungen zu Partnerschaft, Elternschaft und Familienleben*. Verlag Barbara Budrich. pp. 155–177.
52. Smart J. and Smart A. (1991) Personal Relations and Divergent Economies: a Case Study of Hong Kong Investment in South China. *International Journal of Urban and Regional Research* 15(2): 216–233. DOI: 10.1111/j.1468–2427.1991.tb00631.x
53. *Socio-Economic Reintegration of Ex-Combatants* (2009) International Labour Office. Geneva.
54. *The China challenge. Democracy Index 2021*. (2021) Economist Intelligence.
55. Toepel K. and Weise C. (2000) Die Integration Ostdeutschlands in die Europäische Union: eine Erfolgsgeschichte? *Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung* 69(2): 178–193. DOI: 10.3790/vjh.69.2.178
56. Vogel L. (2017) (Ostdeutsche) Politische Eliten zwischen Integration und Repräsentation. In: Laue A. (Hrsg) *Ostdeutsche Eliten. Träume, Wirklichkeiten und Perspektiven*. Deutsche Gesellschaft E.V. pp.45–54.
57. Wong M.Y.H., Kwong Y. and Chan E.K.F. (2021) Political Consumerism in Hong Kong: China's Economic Intervention, Identity Politics, or Political Participation? *China Perspectives* (2021/3): 61–71. DOI: 10.4000/chinaperspectives.12330.
58. Xu C.L. (2015) When the Hong Kong Dream Meets the Anti-Mainlandisation Discourse: Mainland Chinese Students in Hong Kong. *Journal of Current Chinese Affairs* 44(3): 15–47. DOI: 10.1177/186810261504400302.
59. Yuen S. and Cheng E.W. (2020) Between high autonomy and sovereign control in a subnational island jurisdiction: The paradox of Hong Kong under 'One Country, Two Systems'. *Island Studies Journal* 15(1): 131–150. DOI: 10.24043/isj.110.

Comparative Politics. Volume 14. No. 4. October–December / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-4-14-80-101

FOREIGN EXPERIENCE OF TERRITORIAL REINTEGRATION: IMPLICATIONS FOR RUSSIA

Dr **Vladimir D. NECHAEV** – Professor, Rector, Sevastopol State University.
33 Universitetskaya str., Sevastopol, Russia, 299053

Egor S. MATIUNKOV – PhD Student, Moscow State University.
E-mail: matyunkov98@mail.ru
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Received October 14, 2023

Accepted January 18, 2024

Acknowledgements. The work was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (code (cipher) of the scientific topic assigned by the founder (organization) project FeFM-2023-0011).

Abstract: The studies on the reintegration of territories are becoming more relevant due to the changing geopolitical agenda and the tasks facing Russia. The article overviews works by Russian and foreign authors, dedicated to integration and reintegration. They are divided into two groups, varying on the level of analysis, systemic and individual. The overview lays a basis for a two-level model to study reintegration in the three spheres that are economic, political and social and cultural. Using the model, the article analyzes two cases in contemporary history, namely the reintegration of East Germany into the FRG and that of Hong Kong into the PRC. Comparing them, the study found some differences which prove the importance of opting for the strategy in all spheres of social system. In addition, the article assumes that at least one catalyzing element is needed to urge reintegration. In both cases it was economics that gave impetus to reintegration, while culture produced consolidation. The study provides conclusions considering the prospects of further reintegration studies.

Keywords: reintegration, integration, territories, comparative analysis, GDR, Hong Kong, adoption, reunification

References:

1. Arat G., Kerelian N.N. and Dhar M. (2022) Multiculturalism with Hong Kong Characteristics. A Qualitative Study. *Du Bois Review: Social Science Research on Race* 1: 191–211.
2. Banchelli E (2006) *Taste the East: linguaggi e forme dell'Ostalgie*. Bergamo: Bergamo university press.
3. Best H. (2017) Die Ausgangslage 1989/90: Elitenwechsel oder Elitenreproduktion? In: Laue A. (Hrsg) *Ostdeutsche Eliten. Träume, Wirklichkeiten und Perspektiven*. Deutsche Gesellschaft E.V. S. 38–44.
4. Boym S. (2003) Ipocondria del cuore: nostalgia, storia e memoria. In: S. B. u.a., *Nostalgia. Saggi sul rimpianto del comunismo*. Milano: Bruno Mondadori. S. 49–60.
5. Brüssig T. (2003) Proviamo nostalgia perchè siamo esseri umani. In: S. B. u.a., *Nostalgia, Saggi sul rimpianto del comunismo*. Milano: Bruno Mondadori. S. 113.
6. Cabestan J.-P. and Florence É. (2018) Vingt ans après la rétrocession: des transformations économiques et politiques de Hong Kong et de son avenir sous le régime chinois. *China Perspectives* 3: 3–7. DOI: 10.4000/chinaperspectives.8004.
7. Cheng A.W.-W., Chow N.S.-C., Chui D.K.-H. and Wong W.-K. (2019) The Three Musketeers Relationships between Hong Kong, Shanghai and Shenzhen Before and After Shanghai–Hong Kong Stock Connect. *Sustainability* 11(14): 3845. DOI: 10.3390/su11143845.
8. Chow V.I. (2012) *Chinese Elitism and Neoliberalism – Post-colonial Hong Kong Cultural Policy Development: A Case Study*. The University of Hong Kong.
9. Chu Y.-W. (2020) Hong Kong (in China) studies: Hong Kong popular culture as example. *Global Media and China* 5(2): 109–123. DOI: 10.1177/2059436420917564.
10. Ember M., Ember C.R., Skoggard I.A., et al. (eds) (2005) *Encyclopedia of Diasporas: Immigrant and Refugee Cultures around the World*. New York: Springer.
11. Förster P. (Verf.) (2006) Warum viele junge Ostdeutsche den Kapitalismus wieder loswerden wollen. Beispiel: Die 32-Jährigen. In: *Sächsische Längsschnittstudie 1987–2005*. Leipzig. 91 S.

12. Fritsch M., Sorgner A. and Wyrwich M. (2015) Die Entwicklung der Wirtschaft in Ostdeutschland nach der Wiedervereinigung. *GWP – Gesellschaft. Wirtschaft. Politik* 64(2): 225–238. DOI: 10.3224/gwp.v64i2.19457.
13. Garcés-Mascareñas B. and Penninx R. (eds) (2016) *Integration Processes and Policies in Europe*. IMISCOE Research Series. Cham: Springer International Publishing. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4.
14. Garofala L.A. (2012) *Ostalgie. Ein Phänomen der Erinnerung*. Tesi di Laurea Magistrale. Università Ca'Foscari Venezia.
15. Genschel P., Jachtenfuchs M. and Migliorati M. (2023) Differentiated integration as symbolic politics? Constitutional differentiation and policy reintegration in core state powers. *European Union Politics* 24(1): 81–101. DOI: 10.1177/14651165221128291.
16. Grawert E., Mielke K., Pleisnitzer S., Markiewicz S., Rifat A. and Abdou A.M. (2020) *Reintegration in northern Iraq: the time is now for Europe to act*. (BICC Policy Brief, 7). Bonn: Bonn International Center for Conversion (BICC).
17. Günther D., Lippert B. and Stevens-Ströhm R. (1991) Eingliederung der fünf neuen Bundesländer in die Europäische Gemeinschaft. *Integration* 14(3): 125–132.
18. Haas E.B. (2004) *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. Contemporary European politics and society. Notre Dame, Ind: University of Notre Dame Press.
19. Hertle H.-H. (2009) The Fall of the Wall: The Unintended Self-Dissolution of East Germany's Ruling Regime. *Cold War International History Project Bulletin* 12/13: 131–164.
20. Hooghe L., Lenz T. and Marks G. (2019) *A Theory of International Organization*. Oxford: Oxford University Press.
21. Ilievski N.L. (2015) The concept of political intergration: the perspectives of neofunctionalist theory. *Journal of Liberty and International Affairs* 1(1).
22. Jansen H. (2004) Transfers to Germany's eastern Länder: a necessary price for convergence or a permanent drag? *ECFIN Country Focus* 1(16).
23. Jones E., Verdun A. (ed.) (2005) *The Political Economy of European Integration. Theory and analysis*. New York: Routledge.
24. Kam C.Y.P. (2020) *Chinese, Hong Kong Chinese, Hongkonger? The Construction of National Identity in light of the Anti-Moral and National Education Movement and the Umbrella Movement in Post-1997 Hong Kong*. PhD Thesis, University of Manchester, UK.
25. Knoblich T.J. (2016) Kulturpolitik nach der «Wende» – Verständnis und Missverständnisse. In: Sievers N., Föhl P.S., and Knoblich T.J. (eds) *Jahrbuch für Kulturpolitik*. 1st ed. Bielefeld, Germany: transcript Verlag, pp. 107–114. DOI: 10.14361/9783839435120-014.
26. Kreyenfeld M., Goldstein J. (2011) Der Osten liegt vorn: 20 Jahre nach der Wende liegt die ostdeutsche über der westdeutschen Geburtenrate. *ifo Dresden berichtet* 5/2011: 6–10.
27. Lang C. (1999) Ostdeutsche Befindlichkeiten ein Jahrzehnt nach der Wende – Ambivalente Spuren des Umbruchs. *Wirtschaft im Wandel* 5(16): 4–9.
28. Liu Y. (2022) A Review of the Research on the National Identity Education of Hong Kong Youth: In: *2021 International Conference on Social Development and Media Communication (SDMC 2021)*, Sanya, China, 2022. DOI: 10.2991/assehr.k.220105.138.
29. Lui T.-I. (2008) How a Fragmented Business-Government Alliance Has Helped Change Hong Kong's Political Order. *Hong-Kong Journal* 5. URL: <http://surl.li/rmygc>.
30. Liu Y. (2000) *Hong Kong Remembers*. Edited by Sally Blyth and Ian Wotherspoon. Hong Kong: Oxford University Press, 1996. 285 pp. – *Hong Kong's Transitions, 1842–1997*. Edited by Judith M. Brown and Rosemary Foot. New York: St. Martin's Press, 1997. xiv, 213 pp. \$59–95 (cloth). – *The Challenge of Hong Kong's Reintegration with China*. Edited by Ming K. Chan. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1997. xx, 221 pp. \$27.00 (paper). – *Hong Kong: An Appointment with China*. By Steve Tsang. London and New York: I. B. Tauris, 1997. xiii, 274 pp. \$17.95 (paper). *The Journal of Asian Studies* 59(3): 698–701.

31. Leskova I.V., Parfenov D.A. and Adamskaya L.V. (2023) Yevraziyskaya integratsiya i reintegratsiya Rossii: vyzov neoliberal'nomu miroporyadku na osnove traditsionnykh tsennostey [Eurasian integration and reintegration of Russia: a challenge to the neoliberal world order based on traditional values]. *Vestnik yevraziyskoy nauki [Bulletin of Eurasian Science]* 15(1). URL: <https://esj.today/PDF/83ECVN123.pdf>. (In Russian).
32. Lo W.Y.W., Lee J.T. and Abdrasheva D. (2022) Global pedigree and national imperative: Hong Kong universities' response to China's grand strategies. *Higher Education* 84(1): 141–157. DOI: 10.1007/s10734-021-00758-9.
33. Margaritou K. (2021) EAEU Policies and Governance – The Future of Eurasian Integration. *Russia and New States of Eurasia* (1): 23–42. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-23-42.
34. Marks G. (2012) Europe and Its Empires: From Rome to the European Union. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 50(1): 1–20. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2011.02218.x.
35. Marks G. and Hooghe L. (2019) Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy* 26(8): 1113–1133. DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711.
36. Mathews G., Ma E. and Lui T. (2008) *Hong Kong, China: Learning to Belong to a Nation*. Routledge contemporary China series 23. London ; New York: Routledge.
37. Meshkova T.A. (ed) (2019) *Yevraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya: perspektivy razvitiya i strategicheskiye zadachi dlya Rossii: dokl. k XX Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [Eurasian economic integration: development prospects and strategic objectives for Russia: report to XX April international scientific conf. on Problems of Economic and Social Development]*, Moscow, April 9–12. 2019 Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki» [National research University «Higher School of Economics»]. M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics. (In Russian).
38. Milward A.S. (2000) *The European Rescue of the Nation-State*. 2nd ed. London ; New York: Routledge.
39. Moravcsik A. (1998) *The Choice for Europe*. Ithaca: Cornell.
40. Neu V. (2019) Keine Sehnsucht nach der DDR Ergebnisse einer repräsentativen Bevölkerungsumfrage der Ost- und Westdeutschen zum 30-jährigen Mauerfall. *Konrad-Adenauer-Stiftung. Analysen und Argumente* 376.
41. Ovens O. (2003) *Die Nationale Volksarmee der DDR zwischen «Wende» und Auflösung. Der Untergang der NVA im Lichte des Zusammenbruchs der DDR*. Inaugural Dissertation. Universität Regensburg. DOI: 10.5283/epub.10188.
42. Peukert C. and Smolny W. (2011) Interregional Migration in Germany: Characteristics and Effects for Regions and Migrants. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.1782013.
43. Reetz D. (1991) Die Entwicklungsländerforschung in der DDR nach der Wende: Veränderung in Konzeption und Struktur. *Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien*: 40–41.
44. *Reintegration in the Transition from War to Peace*. (1997) UNHCR.
45. *Repatriation and reintegration of children affected by conflict in Syria and Iraq to Central Asia (2023)*. United Nations Children's Fund.
46. Rosamond B. (2000) *Theories of European Integration*. London.
47. Sautedé É. (2020) The Fatality of Dissent: Comparing the 2014 and 2019 Hong Kong Protests. In: Amighini A (ed.) *Between politics and finance: Hong Kong's "Infinity War"?* Milano: Ledizioni LediPublishing. pp. 43–57.
48. Schaal G.S. (2001). Integration durch Verfassung und Verfassungsrechtssprechung? Theoretische Anmerkungen. *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft* 30(2): 221–232.
49. Schammann H., Bendel P., Müller S., Ziegler F. and Wittchen T. (2020) *Zwei Welten? Integrationspolitik in Stadt und Land*. Metzingen: LogoPrint.

50. Schiefer K. and Naderi R. (2018) Mütter in Ost- und Westdeutschland: Wie wichtig sind regionalspezifische Leitbilder für Elternschaft. In: Schneider N.F., Diabaté S., Ruckdeschel K. *Familienbilder in Deutschland: Kulturelle Vorstellungen zu Partnerschaft, Elternschaft und Familienleben*. Verlag Barbara Budrich. pp. 155–177.
51. Smart J. and Smart A. (1991) Personal Relations and Divergent Economies: a Case Study of Hong Kong Investment in South China. *International Journal of Urban and Regional Research* 15(2): 216–233. DOI: 10.1111/j.1468-2427.1991.tb00631.x
52. Sokolova N.V. (2010) *Politicheskaya integratsiya: genezis i perspektivy razvitiya (na primere YES, SNG, Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi)* [Political integration: genesis and development prospects (on the example of the EU, CIS, Union State of Russia and Belarus)]. Abstract of PhD thesis. Voronezh State University, Voronezh.
53. *Socio-Economic Reintegration of Ex-Combatants* (2009) International Labour Office. Geneva.
54. *The China challenge. Democracy Index 2021*. (2021) Economist Intelligence.
55. Toepel K. and Weise C. (2000) Die Integration Ostdeutschlands in die Europäische Union: eine Erfolgsgeschichte? *Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung* 69(2): 178–193. DOI: 10.3790/vjh.69.2.178
56. Vogel L. (2017) (Ostdeutsche) Politische Eliten zwischen Integration und Repräsentation. In: Laue A. (Hrsg) *Ostdeutsche Eliten. Träume, Wirklichkeiten und Perspektiven*. Deutsche Gesellschaft E.V. pp.45–54.
57. Wong M.Y.H., Kwong Y. and Chan E.K.F. (2021) Political Consumerism in Hong Kong: China's Economic Intervention, Identity Politics, or Political Participation? *China Perspectives* (2021/3): 61–71. DOI: 10.4000/chinaperspectives.12330.
58. Xu C.L. (2015) When the Hong Kong Dream Meets the Anti-Mainlandisation Discourse: Mainland Chinese Students in Hong Kong. *Journal of Current Chinese Affairs* 44(3): 15–47. DOI: 10.1177/186810261504400302.
59. Yuen S. and Cheng E.W. (2020) Between high autonomy and sovereign control in a subnational island jurisdiction: The paradox of Hong Kong under 'One Country, Two Systems'. *Island Studies Journal* 15(1): 131–150. DOI: 10.24043/isj.110.